

**К ВОПРОСУ О КРЫМСКИХ СОБЫТИЯХ
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА РОССИИ
С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ЛЕТОМ 1774 Г.
ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ
В ЗАЩИТУ КНЯЗЯ В. М. ДОЛГОРУКОВА**

Александр Евгеньевич Катюшин

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
katiushinaleksander@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0047-2572>*

Аннотация. В июле 1774 г. на крымский берег высадился турецкий десант Гаджи-Али-паши. На полуострове возобновились боевые действия между османами и русской армией. Одновременно началось вооруженное восстание татар. Бои прекратились только с прибытием в войска официальных известий о заключенном в Кючук-Кайнардже мире. Но и после этого обстановка в Крымском ханстве продолжала оставаться напряженной. Высшее руководство Российской империи попыталось возложить ответственность за этот кризис на командующего Второй армией князя Долгорукова. В статье предпринята попытка разобраться, насколько были обоснованы эти претензии.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Крымское ханство, Долгоруков, Гаджи-Али-паша

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

**ON THE QUESTION OF THE CRIMEAN EVENTS
FOLLOWING THE CONCLUSION OF THE PEACE TREATY
WITH THE OTTOMAN EMPIRE IN SUMMER 1774,
OR A FEW WORDS DEFENDING PRINCE V. M. DOLGORUKOV**

Aleksandr E. Katiushin

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
katiushinaleksander@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0047-2572>*

Abstract. In July 1774, Haji Ali Pasha's Ottoman troops landed on the Crimean coast. The combat operations between the Ottomans and the Russian army resumed in the Crimean Peninsula. At the same time, the Tatars started an armed insurrection. The combats stopped when the troops got official information about the conclusion of the peace treaty in Kucuk-Kaynarca. However, the situation in the Crimean Khanate still continued to be tense. The government of the Russian Empire tried to blame Prince Dolgorukov, the commander in chief of the Second Army, for the crisis. This article attempts to sort out whether these accusations were grounded.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Dolgorukov, Haji Ali Pasha

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 "Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Долгая война Российской империи и Оттоманской Порты 1768–1774 гг. закончилась. Знаменитый русский военачальник, командующий Второй армией князь Василий Михайлович Долгоруков, выводивший в конце лета 1774 года войска из Крыма, вдруг попал под огонь критики высшего руководства Российской империи [4, с. 138–139]. Граф Никита Иванович Панин в своем письме генерал-фельдмаршалу Петру Александровичу Румянцеву писал, что единственная причина случившихся «в части ведомства князя

Василия Михайловича весьма некстати и не ко времени» «затруднительств» состоит в недостатке расторопности Долгорукова [12, с. 206]. «Нерасторопность» Долгорукова, по-видимому, заключалась в том, что его армия, стоявшая на защите Крымского полуострова, в июле 1774 г. не смогла предотвратить турецкий десант Джанькли-Али-паши (Гаджи-Али, как его часто называют в русских документах) в южном Крыму и позволила закрепиться османам на побережье и в предгорьях полуострова. Следствием этого был ряд вооруженных стычек русских войск с турецкими отрядами, татарское восстание внутри полуострова и кровопролитная битва у деревни Шумы. Боевые действия закончились только с прибытием 25 или 26 июля в сражающиеся армии официального уведомления о заключенном в Кючук-Кайнардже мирном договоре между Российской и Османской империями [8, с. 121–155; 13, с. 21 сл.]. Впрочем, в другом письме тому же адресату граф упрекает Долгорукова уже в «безрассудной скоропостижности» [12, с. 276]. Скоропостижность эта выражалась, вероятно, в том, что Долгоруков поспешил, по мнению императрицы и правительства, с выводением войск из Крыма в то время, когда на полуострове ещё оставались османские военные [12, с. 214].

Десант с плавучих средств доставки на морское побережье и в наши дни является сложным мероприятием. Несмотря на современную специализированную военную технику, эта операция занимает достаточно много времени, а осуществляющий её личный состав становится особенно уязвимым во время её выполнения. Во второй половине XVIII в. высаживавшимся на берег отрядам приходилось решать задачу с помощью, конечно же, гораздо более примитивных устройств и приёмов.

Участник отражения турецкого десанта летом 1774 г., князь Александр Александрович Прозоровский потом так писал об этом событии: «Когда Гаджи-Али-бей, сбив Алуштинский пост, содержимый двумя егерскими ротами, между тем покуда его сиятельство князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский мог подоспеть с войсками, имел свободные руки высаживать свой десант на берег и не токмо не ощущал никакого препятствия, но тем паче, имея всех татар с правительством и ханом в своем распоряжении, получал всякую помощь; да и затем не мог ускорить прежде 7-ми дней выгрузиться, – то всякий из сего заключить может, сколь медленно делается десант за всеми возможными и желаемыми пособиями... не говоря о другом, одних пушек выгрузка на твердую землю делает великое озабочение: они на судах снимаются с лафетов и от сих отымаются колеса, почему и надобно в три блока одну пушку поднимать и спускать на малыя шлюпки, а потом доставлять к берегу» [3, с. 647–648].

Турецкие корабли появились в Керченском проливе еще 8 июня 1774 г., а в ночь на 17 июля османский флот снялся с якорей и двинулся вдоль крымского побережья на запад. Превосходящими силами передовых десантов османы стали уничтожать русские береговые сторожевые посты. Местом главной высадки войск стали окрестности Алушты [8, с. 122 сл.]. Здесь турецкая армия смогла закрепиться на берегу и оборудовать огневые позиции в ближайших предгорьях. Собрать ударный отряд в условиях начавшегося татарского восстания в Крыму и дать генеральное сражение противнику под Шумой Долгорукову удалось то ли 23, то ли 24 июля [8, с. 148 сл.]. Возможно, что дни с 17 по 23 июля, использованные турками для относительно спокойной высадки, виделись из Санкт-Петербурга как упущенное время, которое Долгоруков якобы мог использовать для купирования вторжения, будь он достаточно «расторопен».

Однако имелся ряд объективных обстоятельств, объясняющих это кажущееся замедление.

В то время, когда войска императрицы громили противника в европейских владениях Оттоманской Порты, опорные пункты осман сохранялись фактически в оперативном тылу русской армии – в Северном Причерноморье [9, с. 3 сл.]. Ими были крепости Ачи-кале и Киль-бурун, именовавшиеся в русских источниках как Очаков и Кинбурун. Несмотря на отдельные, хотя и весьма существенные, успехи Азовской флотилии, Черным морем империя пока что не владела и не могла пресечь снабжение этих крепостей из Анатолии по воде.

В высочайшем рескрипте от 6 марта Екатерина II приказывает Долгорукову готовиться к осаде Очакова, подчеркивая, впрочем, при этом, что «стража и охранение Крымского полуострова и прилеглих к стороне оного обширных границ Империи должны быть и оставаться неотменно первою и главною целью» [12, с. 65].

В том же марте 1774 г., рассматривая возможные меры против мятежей татар и ногаев, Екатерина II одобряет решение Долгорукова содержать большую часть вверенных ему войск «на новой линии между Александровскою и Петровскою крепостями»¹, что позволило бы с одинаковой эффективностью контролировать Крым, Кубань и Очаков, используя вооруженную силу, «где больше нужно быть может по движениям неприятельским» [12, с. 71].

В июне 1774 г. Румянцев получает высочайшие инструкции, как именно вести переговоры с турецкой стороной по поводу будущей судьбы крепости Очаков и принадлежности земель вокруг Кинбурна, а немного позже канцелярия императрицы выпускает рескрипт Долгорукову об осаде Очакова, повторяющий в общих чертах уже упомянутое выше повеление от 6 марта. Для операции была уже прислана в Киев и Переволочну осадная артиллерия [12, с. 131–132, 133].

То есть, Вторая армия к лету 1774 года должна была держать под особым контролем всё пространство от Днепровского лимана до Кубани включительно. Иметь при этом крупные ударные силы запертыми в Крыму, конечно, вряд ли было разумно.

Между тем, военная операция Гаджи-Али-паши в Крыму по масштабу и близко не была сравнима с прежними попытками высадки османских отрядов на этот плацдарм в ходе последней кампании [4, с. 111–112]. В июле 1774 г. многочисленные турецкие корабли смогли обеспечить десантирование десятков тысяч солдат [8, с. 124–125]. При этом надежно закрыть крымский берег русскими отрядами было невозможно по объективным причинам. Прозоровский так описывал эту проблему: «Естьли я по всему берегу протяну свои войска, так везде будет слабая оборона. Оставить их совсем без занятия неможно, а особливо как здешний полуостров изобилен такими местами, где неприятель пристать может». Что же касалось обороны полуострова с моря, то состояние ее лучше всего охарактеризовал Долгоруков уже во время турецкого десанта: «А что флота нашего эскадра, вышед крейсировать, ничего не сделала и ни малейшего неприятелю в его десанте препятствия не учинилась, так нечего на ней взыскивать, ибо большие корабли и фрегат со стороны неприятельской были на них готовы» [5, с. 473–474, 579].

При этом эскадра Гаджи-Али-паши могла бы пройти и мимо крымских берегов, двинувшись, например, на усиление Очакова. Прозоровский отмечал, что «каждый начальник найдет довольно времени и способа заградить по первому известию удобныя в страже его к сему места и не имеет нужды при первом виде показавшихся судов, хотя бы они были и в великом числе, устремляя весь свой отпор на удержание неприятельских покушений, призывать тотчас в первые дни к подкреплению себя другие деташемнты... ибо иногда сия неприятельская попытка обмануть может и он, подав вид к десанту в одном месте, вдруг, по благополучному ветру, обратит свое намерение в другую отдаленную сторону... нужно всякому начальнику иметь крайнюю осторожность, чтобы ложного десанта не почесть за истинный...» [3, с. 648]. Эти обстоятельства также делали бессмысленной превентивную концентрацию сил в какой-то определенной точке.

То есть русской армии требовалось время в несколько дней не только для того, чтобы собрать боеспособный ударный отряд против турецкого десанта, но и точно определить направление удара, дав основным силам неприятеля «завязнуть» на берегу.

Подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора произошло 10 июля 1774 г. Договор утверждал, между прочим статей, «вольность и независимость» татар и ногаев под самодержавной властью крымского хана, избранного «татарским обществом» [2, с. 272, 279–280].

¹ То есть между современным городом Запорожье и прибрежным селом Новопетровка в Северном Приазовье.

Известие о заключении мира обсуждалось на заседании Государственного совета 24 июля, а письмо Румянцева о подтверждении мирного договора визирем Порты от 15 июля читали на заседании совета 28 июля [1, ст. 284].

Реляции командующего Азовской флотилией вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина и Долгорукова от 17 и 18 июля о появлении турецкого флота у берегов Крыма и десанте под Алуштой легли на стол высшего руководства 4 августа. Реакция на реляции Сенявина и Долгорукова *была замедленной*. Государственный совет в этот момент был, видимо, гораздо больше озабочен изготовлением документов, направленных на скорейшую реализацию статей Кючук-Кайнарджийского трактата, чем очередным появлением османского флота у крымского побережья. К началу второй декады августа 1774 г. был, наряду с другими официальными бумагами, приготовлен пакет документов и для Крыма [1, ст. 286–287]. В готовом виде он состоял из высочайшего рескрипта Долгорукову с приложенным образцом поздравительного письма к крымскому хану Сагиб-Гирею по случаю заключения мира, высочайшего же рескрипта генерал-поручику Евдокиму Алексеевичу Щербинину, грамот от Екатерины II Сагиб-Гирею и калге-султану Шагин-Гирею по тому же случаю, писем Панина резиденту Петру Петровичу Веселицкому, Долгорукову, Щербинину, Шагин-Гирею и ногайским начальникам. Содержание этих документов касалось вопросов будущего мирного сосуществования России, Османской империи и Крымского ханства на основании статей Кючук-Кайнарджийского трактата [12, с. 168–186].

Скажем наперед – из контекста запоздавшего и отправленного наспех с другими документами высочайшего рескрипта от 19 августа понятно, что их авторы знали о начале турецкого десанта, но о действительных масштабах предпринятых турками военных действий и татарском восстании не имели ещё никакого представления. Отметим, что упомянутый высочайший рескрипт Долгорукову, помимо всего прочего, уполномочивал командующего на принятие у османской стороны крепости Кинбурн и повелевал выводить вверенную ему армию из Крыма не раньше, чем полуостров покинут турецкие войска [12, с. 168].

Основные события крымского кризиса, по-видимому, стали известны в Санкт-Петербурге в начале второй половины августа 1774 г. 18 августа на рассмотрение Государственного совета поступила корреспонденция Долгорукова от 3 августа. В ней командующий докладывал об обстоятельствах прекращения боевых действий с турками, а также о вероломстве немедленно ставшего на сторону осман во время их десанта хана Сагиб-Гирея, арестовавшего и передавшего турецкому командующему находившегося при Бахчисарайском дворе российского резидента Петра Петровича Веселицкого [1, ст. 287].

Долгоруков трезво оценивал так быстро продемонстрировавшего свою лояльность Оттоманской Порте хана Сагиб-Гирея как безграмотного и несостоятельного правителя, а его чиновников – как откровенных врагов Российской империи и реакционеров. Не секретом для командующего являлись и продолжающиеся тайные сношения татар с османским военачальником Гаджи-Али-пашой. Турки, между тем, не спешили покидать полуостров: их войско разместилось, по джентльменскому соглашению с Долгоруковым, в Кафе [13, с. 28, 34].

Князь полагал, что «все коварства области крымской» прекратятся только с отбытием султанского флота в свои порты, но совершенно не имел способов ускорить это событие. «Что предпринимать при таковых обстоятельствах, которые удерживают меня в нерешимости во многом нужном по содержанию мирных артикулов исполнений?» – писал Долгоруков императрице [13, с. 28].

Императрица, исходя из полученной информации, подписала очередной рескрипт Долгорукову только 22 августа 1774 г. К этому документу были приложены некоторые бумаги из уже упомянутого нами «крымского пакета» с важным замечанием о том, что эти документы, в связи с новыми обстоятельствами, присланы не для точного исполнения, «...а больше для извещения нашего общих правил поведения в рассуждении Порты Оттоманской и татарских народов в ожидании поправления случившихся замеша-

тельств». Изложены были и претензии к Долгорукову: его обвиняли в том, что он слабо контролировал хана и не наладил должным образом обмен информацией с резидентом, из-за чего Сагиб-Гирей решился на предательство². В Петербурге рассчитывали на то, что Долгоруков останется в Крыму и, наблюдая за Сагиб-Гиреем и его окружением и защищая его, при необходимости, от неприятелей, будет подробно докладывать о развитии ситуации на полуострове. Эта информация позволила бы правительству принимать дальнейшие решения. В рескрипте подчеркивалось, что к исполнению положений мирного трактата нельзя приступать прежде освобождения пребывавшего у Гаджи-Али-паши Веселицкого, а вывод русской армии с территории Крыма должен быть осуществлен лишь тогда, когда полуостров покинут турецкие отряды [12, с. 188–192].

К этому времени чуть меньше месяца прошло с того момента, как в Крым прибыли визирские чегодари с известием о заключенном в Кючук-Кайнарджи мире, прекратив, тем самым, бои императорской армии с турецкими отрядами Гаджи-Али-паши. Следует прибавить к этому сроку еще некоторое время (возможно, около двух недель), когда высочайший рескрипт был в дороге к адресату. Таким образом, Долгоруков полтора месяца действовал без новых предписаний, руководствуясь уже известными ему директивами и собственными соображениями.

Тем временем, командующему было чем заняться. Организовывая вывод Второй армии, Долгоруков должен был, помимо всего прочего, решить проблему эвакуации больших, имеющих при войсках в большом количестве. Кроме этого, нужно было перераспределить и вывезти на территорию России сохранявшийся ещё в больших размерах в Крымском ханстве армейский провиант. Для этих мероприятий катастрофически не хватало перевозочных средств: во время минувших боевых действий татарами было уничтожено до тысячи человек из украинских погонщиков, снабжавших императорскую армию. Жаркое, засушливое лето вызвало недостаток в воде и кормах, что привело к массовому падежу тяглого скота. Нанять же какой-либо частный транспорт было невозможно ни за какую цену [13, с. 29–30, 33].

5 августа 1774 г. Долгоруков рапортует императрице о полученных им тревожных известиях от воронежского губернатора, касавшихся ширившегося в Поволжье и грозившего перекинуться в другие регионы России восстания Емельяна Пугачева. Долгоруков, «по важности сих известий, особливо в теперешнем случае, когда уже, в следствие заключенного с Портою Оттоманскою мира, Крымскому полуострову от войск Вашего Императорского Величества очищену быть должно...», принимает решение отправить части своей армии к Бахмуту, Полтаве и на Дон, для принятия мер по подавлению мятежа [13, с. 31–33]. Эти действия Долгорукова чуть позже полностью одобрила Екатерина II [10, с. 437].

26 августа 1774 г. Долгоруков рапортовал о выходе большей части войск из Крыма и продолжающемся выводе оставшихся кроме тех полков, из которых формировали гарнизоны крымских крепостей Керчь и Еникале, отошедших России по мирному договору. Высочайшего рескрипта от 22 августа, о котором говорилось выше, он, к этому времени, конечно, еще не получил, зато имел указ Военной Е.И.В. коллегии о выводе войск с полуострова в определенные им, по высочайшему повелению, квартиры [13, с. 64–65].

Командующий Второй армией, отводя войска из Крыма, действительно исполнял присланную Военной коллегией репартицию³, утвержденную в своё время императрицей [12, с. 162, 216]. Панин в письме Румянцеву от 15 сентября 1774 г., упрекая Долгорукова в безрассудстве, так же подвергает уничижительной критике и Военную коллегию в целом

² Этот хан, несмотря на свой недавний демарш, и теперь сохранял значение для Российской империи как легитимный государь «Татарской вольной области», подписавший в 1772 г. «Мирный союзный трактат между Российской империей и Ханством Крымским», известный также в литературе как Карасубазарский мирный договор 1 ноября 1772 г. Об обстоятельствах появления этого документа и его значении см.: [6].

³ Репартиция – в данном случае имеется в виду документ, регламентирующий порядок следования и распределения войск на постой.

за эту «скоропостижную» репартицию [13, с. 92]. Между тем, это предписание в августе 1774 г. вполне резонно воспринималось Долгоруковым как обязательное для исполнения.

***

Во время десанта Гаджи-Али-паши русские войска, не теряя времени, действовали четко и уверенно в сложных обстоятельствах и оказали эффективное сопротивление османам и поддержавшим их татарам, не дав им соединиться в глубинах полуострова. А. В. Мальгин, подробно изучивший крымские события лета 1774 г., пришёл к выводу, что «Долгоруков и его генералы... действовали быстро и решительно. Командованию Второй армии удалось сконцентрировать ударную группу войск на главном направлении, при этом оставалась возможность ее усиления, поскольку существенная часть войск армии только готовилась для вступления в Крым» [8, с. 160].

После получения официальных известий о заключенном Кючук-Кайнарджийском мире и прекращения боевых действий в Крыму командующий Второй армией Долгоруков попал в нелегкую и двусмысленную ситуацию. С одной стороны, он должен был выполнять статьи мирного договора и готовить войска к выходу с территории де-юре «независимой и вольной татарской области», с другой – он не мог не видеть истинных проосманских настроений татарской знати, продолжавшей сотрудничество с командованием не спешивших уходить из Крыма турок. Долгоруков запросил дополнительные инструкции у высшего руководства страны, но так их и не дождался. Отчасти это произошло, вероятно, из-за медленного обмена даже важной оперативной информацией с Санкт-Петербургом, обусловленного, прежде всего, состоянием путей сообщения в России XVIII в., а отчасти из-за того, что в столице недоценили решимость сераскера Гаджи-Али-паши и совершенно не были готовы к стремительному и драматическому развитию событий на полуострове в июле 1774 г.

Действительно, вряд ли можно было ожидать такого мощного неприятельского вторжения в Крым и активизации протурецких сил на полуострове в тот момент, когда Порты, принимая Кючук-Кайнарджийский мирный договор, была, наконец, вынуждена признать Крымское ханство «вольным и независимым». Мы не знаем истинных целей, задач или замыслов осуществившего это вторжение Гаджи-Али-паши – пребывал ли он в неведении относительно мирного договора России и Турции, заключенного 10 июля (что очень вероятно) [8, с. 123], или это была сознательная атака на этот договор в русле уже претворявшейся в жизнь ревизионистской политики Порты [2, с. 309]. Но приходится признать, что турецкий десант в Крым летом 1774 года стал впечатляющей демонстрацией того, что, несмотря на все поражения Османской Порты и вынужденные мирные договоры с Россией, Крымское ханство фактически осталось в сфере влияния Турции. Во время этой атаки также моментально вскрылось настоящее отношение татарской знати к Российской империи и навязанной им «независимости». Долгоруков, выводя из Крыма войска во исполнение указа Военной коллегии, не испытывал иллюзий относительно настроений в ханстве, зная, что предоставленная самой себе татарская элита вместе с Портой обязательно предпримет меры к восстановлению прежних взаимоотношений [13, с. 66].

Несмотря ни на что, мечты высшего руководства империи о том, чтобы «через превращение самого бытия татар до такой степени, чтобы сделать из них, вместо народа хищного и хищностью своею доброе соседство с окрестными державами развращающего, народ к тихому и порядочному общежитию способный, следовательно же и не меньше других интересовавшийся с своей стороны в сохранении мира...» [12, с. 87], продолжали в последующие годы претворяться в жизнь. Панин считал, что «...определение и узаконение татарского самовластного бытия в мирном с Портою трактате не иное что есть, как одна основа огромному зданию, которое чрез долгое время тщательно соорудать надлежит, а со временем и совершенно уже воздвигнуть можно будет...» [12, с. 278].

Этому желанию Никиты Ивановича воплотиться было не суждено. Проект «независимого» Крымского ханства просуществует до 1783 г. исключительно благодаря постоянным усилиям российских политиков, военных и дипломатов и закончится, по сути, провалом [7, с. 63–65]. В конце 1782 г., в высочайшем секретном рескрипте Григорию Александровичу Потемкину, были подведены неутешительные итоги крымской политики предыдущих лет: «Известно, что одним из главнейших поводов к распрям нашим с турками от давнего времени служит полуостров Крымский, из недр коего неоднократно обеспокоены были границы наши. Преобразование его в вольную и независимую область обратилось только в новые для нас заботы со знатными издержками. Опыты времени, от 1774 года прошедшего, доказывают, что такая независимость мало свойственна татарским народам, ибо чтобы удержать ее, надлежит почти всегда нам быть вооруженными, и посреди мира изнушать войска трудными движениями, неся большие убытки как бы во время войны, без всякой надежды заменить оные. При малейшем со стороны нашей послаблении, турки, пользуясь единоверием татар и разными связями, предостерегают там толико умножать свою силу, что почти всякий раз паки к войне прибегать должно, дабы только дела поставить в прежней степени» [11, с. 222]. В 1783 г. Крымское ханство было ликвидировано, а его территория стала частью Российской империи.

Долгорукову, возможно, стоило попенять на плохую связь с резидентом Веселицким и недостаточный контроль над крымским ханом, но то, что «огромное здание татарского самовластного бытия» дало глубокую трещину уже на стадии «постройки основания», вряд ли справедливо ставить ему в вину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Государственного совета. Т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины (1768–1796). СПб., 1869.
2. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. 368 с.
3. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. I. СПб., 1885. 873 с.
4. Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015. 552 с.
5. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2004. 784 с.
6. Карасубазарский мирный трактат 1772 года: сб. док. / сост.-ред. А.В. Мальгин, И.В. Зайцев. Симферополь, 2015. 120 с.
7. Мальгин А.В. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1. С. 45–68.
8. Мальгин А.В. «Покоренье Крыма». 1768–1774. Симферополь, 2016. 176 с.
9. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. V. СПб., 1874. 210 с.
10. Сборник императорского русского исторического общества. Т. XIII. СПб., 1874. 471 с.
11. Сборник императорского русского исторического общества. Т. XXVII. СПб., 1880. 600 с.
12. Сборник императорского русского исторического общества. Т. CXXXV. СПб., 1911. 563 с.
13. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2. Ч. II. Материалы отечественные. М., 1872.

REFERENSES

1. *Arhiv Gosudarstvennogo soveta. T. I. Sovet v carstvovanie imperatricy Ekateriny (1768–1796)* [Archive of the State Council. T. I. Council during the reign of Empress Catherine (1768–1796)]. St. Petersburg, 1869.
2. *Druzhinina E.I. Kjachuk-Kajnardzhijskij mir 1774 goda (ego podgotovka i zakljuchenie)* [Kuchuk-Kainardzhi peace of 1774 (its preparation and conclusion)]. Moscow, 1955. 368 p.
3. *Dubrovinn N.F. Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma, reljacji i donesenija* [Annexation of Crimea to Russia. Rescripts, letters, reports and reports]. T. I. St. Petersburg, 1885, 873 p.

4. Grigor'ev S.I. «...*Kafir ves 'ma krutogo nrava*»: *A.V. Suvorov i Krymskoe hanstvo (1771–1779)* [“...A kafir of a very tough character”: A.V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. St. Petersburg, 2015, 552 p.
5. *Zapiski general-fel'dmarshala knjazja Aleksandra Aleksandrovicha Prozorovskogo (1756–1776)* [Notes of Field Marshal General Prince Alexander Alexandrovich Prozorovsky (1756–1776)]. Moscow, 2004, 784 p.
6. Mal'gin A.V., Zajcev I.V. (eds.), *Karasubazarskij mirnyj traktat 1772 goda: sbornik dokumentov* [Karasubazar peace treaty of 1772: collection of documents]. Simferopol, 2015, 120 p.
7. Mal'gin A.V. Annexation of Crimea to Russia at the end of the 18th century. in the light of the motives of imperial expansion. *Istorija i sovremennost'* [History and modernity], 2013, no. 1, pp. 45–68.
8. Mal'gin A.V. «*Pokoren'e Kryma*». 1768–1774 [“Conquest of Crimea”. 1768–1774]. Simferopol, 2016, 176 p.
9. Petrov A.N. *Vojna Rossii s Turciej i pol'skimi konfederatami* [The war between Russia and Turkey and the Polish confederates]. T. V. St. Petersburg, 1874, 210 p.
10. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. XIII. St. Petersburg, 1874, 471 p.
11. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. XXVII. St. Petersburg, 1880, 600 p.
12. *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. CXXXV. St. Petersburg, 1911, 563 p.
13. *Chtenija v imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. Kn. 2. Ch. II. Materialy otechestvennye* [Readings in the Imperial Society of Russian history and antiquities. Book 2. Part II. Domestic materials]. Moscow, 1872.

Информация об авторе

Катюшин А. Е. – научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, AuthorID: 863682.

Author information

Katiushin A. E. – Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.